

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ.

ЧАЙ.

(ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ СЦЕНКА)

(1830 г.)

Переводъ П. В.

Мѣсто дѣйствія сцены, которую я хочу рассказать здѣсь — Луккскія воды.

Не бойся, нѣмецкій читатель, тутъ не будетъ никакой политики, а только философія, или если это тебѣ больше нравится, философская мораль. Ты поступаешь, конечно, очень политично, не желая ничего знать о политикѣ; иначе тебѣ пришлось-бы слышать вещи только непріятныя или унижительныя. Мои друзья имѣли полное право сердиться на меня за то, что въ послѣдніе эти годы я занимался почти исключительно политикой и даже писалъ политическія сочиненія. „Правда, мы ихъ не читаемъ, — говорили они — но уже то пугаетъ насъ, что такія вещи печатаются въ Германіи, — странѣ философіи и поэзіи. Если ты не хочешь дремать съ нами, то по крайней мѣрѣ не буди насъ отъ сладкаго сна. Право, оставь политику, не трать на нее дорогого времени, не пренебрегай твоимъ прекраснымъ дарованіемъ къ любовнымъ пѣснямъ, трагедіямъ, новелламъ, и высказывай намъ въ нихъ твои взгляды на искусство, или какую нибудь хорошую философскую мораль“.

Извольте, я растянусь, подобно другимъ, на перинѣ безмятежныхъ грезъ и расскажу мою сцену. Философская мораль, заключающаяся въ ней, состоитъ въ слѣдующемъ положеніи: иногда мы становимся смѣшными безъ всякой вины съ нашей стороны. Высказывая это положеніе, мнѣ слѣдовало бы, собственно, употребить не множественное, а единственное число мѣстоименія перваго лица: — да, я такъ и сдѣлаю, но, пожалуйста, любезный читатель, не смѣйся надо мною, потому что я тутъ ни въ чемъ не виноватъ. Дѣйствительно, виноватъ-ли я въ томъ, что у меня хорошій вкусъ

и что я люблю хорошій чай? А я человекъ благодарный, и въ то время, когда жилъ на Луккскихъ водахъ, не переставалъ хвалить моего хозяина за то, что онъ подавалъ мнѣ такой хорошій чай, какого я до сихъ поръ никогда не пивалъ.

Эту хвалебную пѣснь я очень часто пѣлъ и въ присутствіи леди Вуленъ, которая жила въ той-же гостинницѣ, гдѣ и я, и эту даму мои похвалы изумляли тѣмъ болѣе, что, по ея словамъ, нашъ хозяинъ, не смотря на всѣ ея просьбы, не могъ добыть ей хорошаго чаю, вслѣдствіе чего она принуждена была выписывать себѣ чай по эстафетѣ изъ Ливорно.

— Но за то этотъ чай божественно-хорошъ! — сказала она и улыбнулась небесной улыбкой.

— Миледи, — возразилъ я — бьюсь объ закладъ, что мой — еще лучше.

Дамы, случайно присутствовавшія при этомъ разговорѣ, были тутъ-же приглашены мною на чай и общались на слѣдующій день, въ шесть часовъ, придти на тотъ веселый холмикъ, на которомъ можно такъ уютно сидѣть и смотрѣть внизъ, въ долину.

Условный часъ насталъ, столикъ былъ накрытъ, бутерброды приготовлены, дамочки весело болтали — но чай не появлялся.

Пробило шесть, пробило половина седьмого, вечернія тѣни стали извиваться вокругъ подошвъ горъ точно змѣи, лѣса благоухали все страстнѣе и страстнѣе, птицы щебетали все торопливѣе и торопливѣе, — но чай не являлся. Скоро солнечные лучи освѣщали только вершины горъ, и я обратилъ вниманіе дамъ на то, что солнце медлитъ уйти, очевидно не желая разстаться съ своими подругами, лучезарными, какъ оно само.

Это было хорошо сказано — но чай не являлся.

Наконецъ, наконецъ, со вздохами и печальнымъ лицомъ появился мой хозяинъ и спросилъ! не желаемъ ли мы мороженаго вмѣсто чаю?

— Чаю! чаю! единоголосно воскликнули мы.

— И непременно того самаго, — прибавилъ я — который я пью каждый день.

— Того самаго, есселенза? Это невозможно!

— Отчего невозможно? сердито спросилъ я.

Съ каждой минутой увеличивалось смущеніе моего хозяина; онъ заикался, краснѣлъ, и только послѣ долгаго колебанія высказалъ признаніе: — страшная загадка разъяснилась.

Дѣло въ томъ, что мой почтенный хозяинъ продѣлывалъ очень простую штуку — въ чайникъ, изъ котораго чай уже былъ отлитъ, онъ подливалъ кипятку; и, такимъ образомъ, чай, который мнѣ такъ нравился, и о которомъ я такъ много кричалъ, былъ — ничто иное, какъ каждодневный настой чая, оставленнаго въ чайникѣ моей сжигательницей по квартирѣ, леди Вуленъ, и который она выписывала изъ Ливорно.

Горы, окружающія луккскія лѣса, имѣютъ удивительное эхо, и долго, и далеко умѣютъ разносить громкій дамскій смѣхъ.